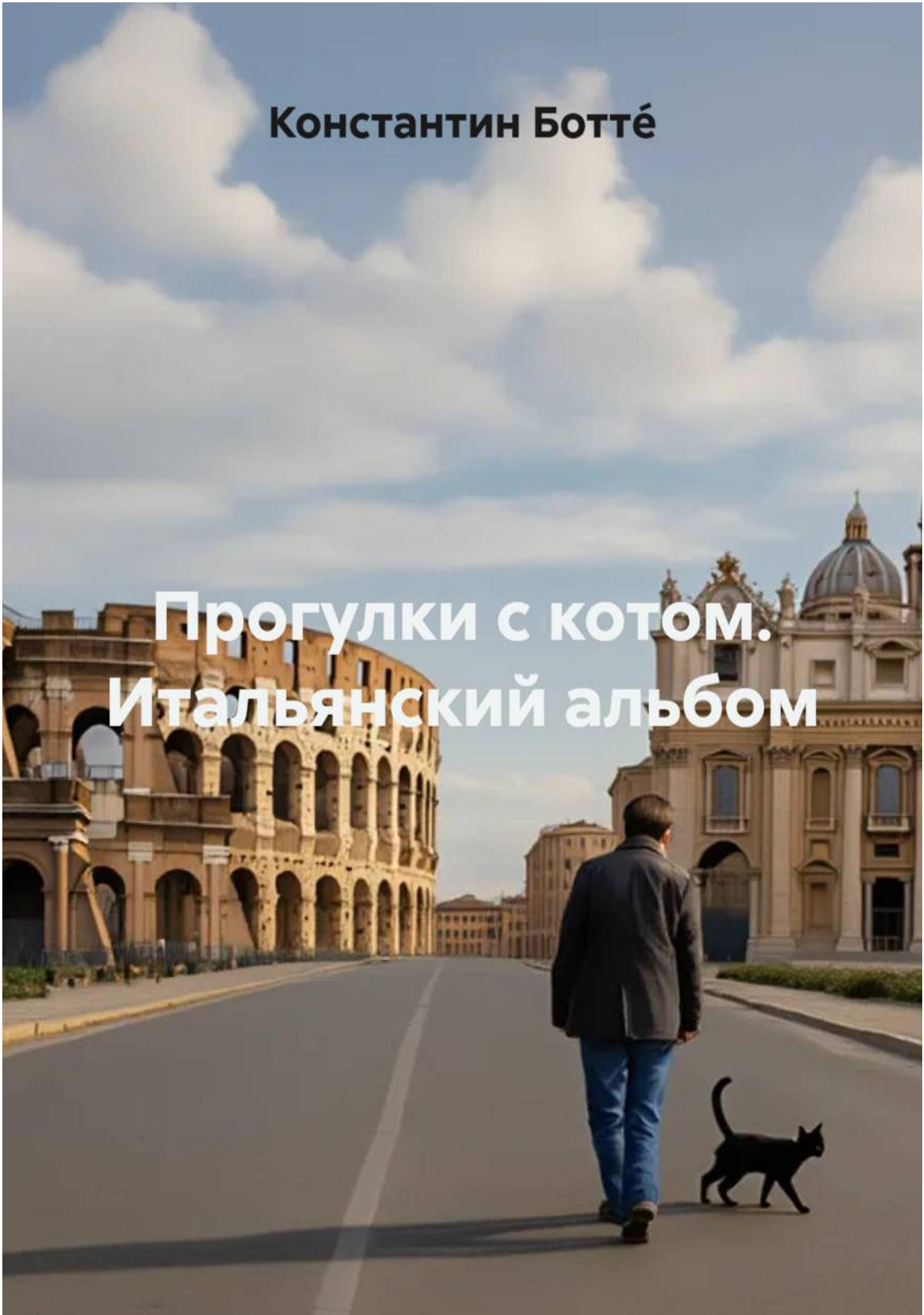
Константин Ботте́

Прогулки с котом. Итальянский альбом

Константин Ботте́

Прогулки с котом. Итальянский альбом

«Автор»
2026

Ботте́ К.

Прогулки с котом. Итальянский альбом / К. Ботте́ — «Автор», 2026

Если вы думаете, что Италия – это только венецианские гондолы, Колизеи, карнавальные маски и мороженое, вы ничего не знаете о настоящей Италии. Чёрный кот, который появляется из ниоткуда, готов стать вашим гидом. Он проведёт вас по дворцам и мостам, откроет секреты старых мастеров и расскажет легенды, которые не услышишь от экскурсоводов. В Венеции он покажет вам Золотой алтарь, где в эмалях застыла молитва, и портрет девушки, чья улыбка меняется на закате. В Вероне расскажет городские истории, которые недоступны обычному туристу. Откроет тайны Падуанского университета. Проведёт по катакомбам Рима. Он будет мурлыкать истории о любви и предательстве, о чуме и карнавале, о дожах и алхимиках. А когда вы решите, что видели всё, кот исчезнет. Но вы уже никогда не будете прежним. Потому что Италия – это не страна. Это тайна. А чёрный кот – её ключ.

© Ботте́ К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Константин Ботте́
Прогулки с котом. Итальянский альбом

Глава 1

ПРОЛОГ

Итальянская речь лилась из динамиков, заполняя комнату кинематографичным теплом. На экране Адриано Челентано в сотый раз лукаво улыбался Орнелле Мутти. Я сидел в полумраке, пытаясь поймать губами непривычные, округлые звуки чужого языка. Италия была моей тайной влюбленностью – далекой, книжной и пока совершенно недостижимой.

– Зачем ты крутишь одно и то же? Ещё и на языке, который не знаешь? – раздался вкрадчивый голос.

Я вздрогнул. На подоконнике открытого окна, откуда тянуло ночной прохладой, сидел угольно-черный кот. Его глаза горели янтарным светом, отражая мерцание монитора. Он выглядел так, будто соткался прямо из мартовских сумерек.

– Это фильмы моей юности, – ответил я, почему-то не удивившись говорящему гостю. – Тогда я смотрел их в русском дубляже, а теперь пытаюсь приобщиться к оригиналу. Расслышать настоящую Италию. Может быть, когда-нибудь я смогу её понять. И заговорю.

– Чтобы заговорить, нужно открывать рот и общаться с людьми, а не гипнотизировать экран, – проворчал кот, изящно усаживаясь на лапы. – Я ведь помню тебя. В школе, когда француженка вызывала тебя к доске, ты мог связать пару фраз в рассказ. В университете вовсю переводил и пересказывал. Ты понимал язык, потому что им пользовался.

Кот лениво зевнул и продолжил:

– А в аспирантуре? Ты же днями сидел с английским учебником, путал произношение на манер французского, но упрямо пытался говорить с однокурсниками. И тебя понимали! А теперь, без живого общения, ты похоронил и французский, и английский. Но с упорством безумца штурмуешь итальянский, заучивая реплики Челентано. Это путь в никуда. Сидя в этой комнате, ты никогда не заговоришь.

– Ты прав, старина, – вздохнул я, глядя на экран. – Но у меня здесь нет собеседников. А мелодия этого языка… она как песня. Я ведь учу эти фразы не просто так. Я верю, что в нужный момент, проходя по солнечной улице Вероны, Венеции или Бергамо, я встречу прохожего. Он улыбнется и спросит: «Come stai?». И я отвечу ему не как иностранец по словарю, а легко, по-актерски: «Милый друг, я так рад, что вы обратились ко мне. Не хотите ли выпить по чашечке эспрессо и пообщаться?».

Кот прищурился, в его глазах блеснула странная, почти человеческая насмешка.

– Красивая картинка. Но Верона не придет в твою комнату, мечтатель. Музыка языка рождается на родине языка. И если ты действительно влюблен, почему ты всё ещё здесь? Чего ты ждешь? Пока экран телевизора станет прозрачным?

Его слова ударили наотмашь. «Чего я жду?» – эхом отозвалось в голове. Действительно, почему я храню эту любовь в коробке воспоминаний и чужих фильмов, вместо того чтобы просто купить билет?

– Значит, нужно ехать? – тихо спросил я, повернувшись к окну.

Подоконник был пуст. Черный кот исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь легкое колыхание шторы и едва уловимый запах южной ночи,.

Я улыбнулся и впервые в жизни открыл сайт авиабилетов. Мечтам суждено сбываться. А в том, что мы еще встретимся с этим ворчливым критиком где-нибудь на улочках Тосканы, я почему-то не сомневался.

Итак, впереди у меня есть целый месяц отпуска. В путь.

День первый. Кампо Сан-Бартоломео и памятник Карло Гольдони, Площадь и собор Сан-Марко, Прогулка по Гранд-каналу, Дворец дожей, Мост Вздохов, Библиотека Марчиана, Колокольня Сан-Джорджо Маджоре

Действительно, чтобы понимать итальянский язык, нужно познакомиться с самой Италией поближе. И вот я в Венеции. Свернув с площади Сан Марко я очутился на небольшой площади, центр которой украшал памятник на постаменте. Вокруг ходили люди, суетливо рассматривая вековые камни.

– Это Кампо Сан Бартоломео, – услышал я рядом собой знакомое мурлыканье, непонятно откуда появившегося черного кота.

– Ты откуда здесь? – удивленно спросил я.

– Я теперь буду тебя сопровождать. У кого ты сможешь что-то узнать, не зная языка? Надежда, что ты встретишь русскоязычного туриста имеет большие шансы. Но кто тебе расскажет обо всём, что ты видишь. Пока не заговоришь по-итальянски, я буду рядом.

– Ну что ж. Теперь ты будешь моим визави, – с улыбкой проговорил я. – Кому посвящен этот памятник?

– Это Карло Гольдони. Его ещё считают «Итальянским Мольером». Очень известный венецианский драматург. Помнишь комедию «Слуга двух господ»? В постановке Марка Захарова ещё Константин Райкин привил русскоязычной публике неправильное ударение в названии города Бе́ргамо, он пел Берга́мо. Вот так по неправильному произношению и узнают русскоязычных туристов, – усмехнулся кот.

– Интересная история. И кто увековечил его?

- Ты совсем не интересуешься искусством… Антонио Де Дзотто, - проворчал кот. – Пойдем, я расскажу тебе ещё много об Италии.

Мягкими шагами мой черный друг пошёл вперёд. «Ну вот, – подумал я, – теперь я не одинок среди толпы». И я медленно пошёл за котом.

– А это что за колонна со львом? – спросил я, когда мы вышли на площадь.

– Темнота, – вздохнул кот, – площадь как называется?

– А, это я знаю. Площадь святого Марка.

– Вот, уже неплохо, – ухмыльнулся кот. – У всех канонических евангелистов есть свой символ, являющийся частью христианской иконографии тетраморфа. Марк символизируется как лев, Лука как телец, а Иоанн как орёл. Эти образы, заимствованные из видений пророка Иезекииля, и отражают различные аспекты личности и послания каждого евангелиста.

– Интересно, интересно, – воскликнул я. – Стало быть, в песне по золотой город поётся про евангелистов?

– Про них. А сам «Город золотой» и есть Рай. Слова «Города» написал Анри Волохонский, а музыку Владимир Вавилов. Правда он не афишировал авторство, так как песня носит религиозный характер, а в советское время это было неприемлемо, поэтому, он выдал её за произведение Франческо да Милано, итальянского лютниста эпохи Ренессанса 16 века.

– Понятно, – задумчиво протянул я, – но как мне помнится, евангелистов было четыре.

– Четыре, – кот присел на камень. – Четвёртым был Матфей. Его ассоциируют с человеком или ангелом, символизируя человеческую природу Христа и его родословную.

– Как я понимаю, в этом соборе есть мощи апостола Марка?

– Ты правильно понимаешь, – промурлыкал кот. – Он относится к числу апостолов от семидесяти, то есть учеников, посланных Иисусом Христом. А ещё, он был учеником и последователем апостола Петра и спутником апостолов Павла и Варнавы в их миссионерских поездках.

– А мощи остальных евангелистов здесь тоже есть? – Спросил я с надеждой увидеть всё и сразу.

– Нет, их мощи в других местах. Попозже я их тебе покажу. А пока, пойдем посмотрим, где покоится Марк, – ответил кот и мы медленно зашагали к собору Святого Марка.

– Не забудь заплатить за вход и не фотографируй открыто – промурлыкал кот, когда мы вошли в собор Святого Марка – здесь ходят специально поставленные люди, которые запрещают съёмку.

Купив билет, я прошёл к месту, где обычно в православных храмах находятся Царские Врата, коих в соборе не оказалось.

– В католических храмах нет Царских врат, потому что отсутствует такая архитектурная и богослужебная традиция, как иконостас, который разделяет алтарь и основное пространство храма в православной церкви – услышал я мурлыкающий голос кота.

– И с чем это связано? – удивленно спросил я.

– Это связано с различиями в богослужебных традициях. В православной традиции иконостас с Царскими вратами служит символическим разделением земного и небесного мира, а также скрывает от глаз прихожан тайну литургии до момента совершения Таинства Евхаристии. А в католической литургии такая роль символического разделения не является первостепенной, поэтому и нет иконостаса, который, в свою очередь, является основой для появления Царских врат. Вместо икон, в католической традиции больше внимания уделяется скульптурам, фрескам и алтарным образам – пояснил кот. – теперь заплати ещё вон у той калитки и сможешь пройти мимо главного алтаря, под которым в крипте хранятся мощи св. Апостола и Евангелиста Марка.

– так вот где он похоронен – в задумчивости произнёс я.

– Ну, не совсем, – вздохнул кот. – Мощи евангелиста Марка хранятся в нескольких местах. Здесь, в соборе их главное место. Они были привезены в Венецию из Александрии в 828 году венецианскими купцами Буоно и Рустико. Мусульмане в IX веке стали разрушать христианские храмы, перестраивая их в мечети. Поэтому купцы хитростью вывезли тело святого, спрятав его на корабле под свиными тушами, чтобы пройти таможенный досмотр: мусульмане ведь не прикасаются к свинине. Сейчас глава святого Марка остаётся в церкви его имени в Александрии, а часть мощей в 1968 году Ватикан передал в собор Святого Марка в Каире. А теперь давай зайдём за престол, и я покажу тебе «Золотой алтарь» с иконами византийских мастеров.

– Ну что ж, – промурлыкал кот, когда мы обогнули главный алтарь, – сейчас ты увидишь то, ради чего многие едут в Венецию, даже не зная об этом. Точнее, думают, что едут ради площади Сан-Марко, гондол и мороженого, а на самом деле подсознательно – ради него, ради Золотого алтаря.

Мы повернулись к тыльной стороне престола и остановились перед массивным алтарным образом, который в полумраке собора сиял так, будто внутри горела тысяча свечей. Я попытался разглядеть детали, но глаза разбегались.

– Это и есть Золотой алтарь? – спросил я шёпотом, потому что в соборах всегда хочется говорить тихо, даже если вокруг толпы туристов.

– Не «это», а «тот самый», – поправил кот. – Pala d'Oro его настоящее имя. Венецианцы не любят пафосных названий, поэтому окрестили этот шедевр просто «Золотой пластиной». Но золота здесь больше, чем в любой другой церкви Европы, не считая, может быть, сокровищницы какого-нибудь безумного короля.

Я приблизился. Алтарь оказался не просто золотым. Он был усыпан тысячами драгоценных камней, эмалей, миниатюр. Каждый сантиметр мерцал, переливался, рассказывал какую-то историю.

– Сколько же здесь камней? – выдохнул я. – Не сосчитать…

– Отчего не сосчитать? Ювелиры всё пересчитали, – кот потянулся и зевнул, демонстрируя полное равнодушие к ценностям. – Здесь ровно две с половиной тысячи драгоценных камней и жемчужин. И сто восемьдесят семь эмалевых пластинок с библейскими сценами. Но ты смотри не на блеск, а на историю.

– А какая у него история? – спросил я, чувствуя себя студентом на экзамене, которому кот решил устроить внезапную проверку.

Кот уселся на мраморный пол, обвил хвостом лапы и начал медленно повествовать, как хороший лектор:

– Всё началось в Константинополе, ещё в десятом веке. Венецианский дож Пьетро Орсеоло заказал местным мастерам первую золотую пластину с эмалями для собора. Но потом, в 1105 году, дож Орделафо Фальеро решил, что Венеция не хуже Византии, и потребовал расширить алтарь, добавив новые эмали и камни. А через сто лет крестоносцы слепого дожа Энрико Дандоло разграбили Константинополь. Сам Дандоло остался там навсегда и похоронен в Святой Софии, но галеоны с трофеями пришли сюда. И уже следующий дож, Пьетро Дзиани, встроил награбленные византийские эмали в общую конструкцию. Венеция тогда не стеснялась – что понравилось, то и брала.

– То есть алтарь – это трофей? – удивился я.

– Не совсем, – кот прищурился. – Скорее, свидетельство того, что Венеция объявила себя законной наследницей великой империи. В 1204 году они вывезли оттуда не просто камни, а иконы, мощи, частички святынь из монастыря Пантократора. Позже всё это объединили в роскошную готическую раму. Так что, если присмотреться, там есть кусочки византийской души. Но, – кот вздохнул, – сейчас там больше венецианской спеси.

Я попытался рассмотреть сюжеты на эмалях. Кот, заметив мои попытки, подсказывал:

– В центре, видишь, Христос Пантократор. Суровый, как и положено. Вокруг – архангелы, пророки и сцены из жития святого Марка. Его крещение, проповедь в Александрии и мученичество. А вот ту историю с купцами и свиными тушами на алтаре искать не нужно. Её венецианцы выложили в мозаиках при входе в собор. Здесь всё-таки чистая литургия.

– А почему он весь такой пёстрый? – спросил я, показывая на яркие цветные эмали.

– Потому что это византийская техника перегородчатой эмали, – ответил кот. – Золотая пластина разбита на маленькие ячейки, в них заливают стеклянную пасту – эмаль. Потом обжигают. И так сотни раз. Каждая пластинка – это дни работы. А теперь представь, что таких пластинок сто восемьдесят семь. И все они пережили века, пожары, грабежи. Наполеон, например, когда захватил Венецию, приказал ободрать с алтаря кучу драгоценных камней. Но сами эмали французы не тронули. То ли поленились выковыривать, то ли побоялись гнева святого. Бонапарт вообще знатно здесь погромил.

– А что, Наполеон и сюда добрался? – спросил я.

– А ты думал, он только Москву хотел сжечь? – усмехнулся кот. – Он упразднил Венецианскую республику, а собор из личной капеллы дожей превратил в обычный городской собор. По настоящему спасали алтарь уже в двадцатом веке во время второй мировой войны. Вот тогда его аккуратно разобрали на части, упаковали в ящики и вывезли подальше от бомб. Потом, когда пушки умолкли, собрали заново. Кое-какие камни, конечно, за века потерялись, но основные эмали находятся перед тобой.

Я долго стоял, вглядываясь в детали. Кот молчал, давая мне возможность прочувствовать момент. Наконец я спросил:

– А простые люди его когда-нибудь видели? В Средние века?

– Нет, – кот мотнул головой. – Он был закрыт специальной будничной завесой – деревянной картиной Паоло Венециано. Открывали алтарь только в большие праздники, да и то рассмотреть его можно было лишь издалека. Обычный люд видел только общее сияние. Считалось, что простой глаз не достоин лицезреть такую святыню. Только дож, только знать. А сейчас – пожалуйста. Купи билет и смотри.

– Ну и правильно, – сказал я. – Пусть все видят.

Кот встал, отряхнулся и направился к выходу.

– Ты ещё не устал? – спросил я.

Кот усмехнулся.

– Я устаю только от скуки. А здесь скучно не было. Кстати, если хочешь, в отдельном крыле покажу тебе сокровищницу собора. Там хранятся редчайшие реликварии, византийские чаши, облачения дожей. Это тоже интересно.

– Пойдём, – согласился я, бросая последний взгляд на сияющий алтарь.

Мы вышли из-за главного престола, и кот, обернувшись, добавил:

– Ты запомни главное: этот алтарь – не просто золото и камни. Это молитва. Застывшая, переливчатая, тысячелетняя. И когда его разглядываешь, он на тебя тоже смотрит. Как икона. Не зря же он здесь столько времени.

И мы вышли в центральный неф, где шумная толпа туристов уже не казалась такой чужой.

– Ну, раз ты такой любознательный, – промурлыкал кот, когда мы вышли из собора на залитую солнцем площадь, – давай для начала разберёмся, что мы уже видели, а куда нам предстоит заглянуть. Венеция – это не только базилика Сан-Марко и её алтарь. Это город, где каждый камень умеет говорить, если знаешь, кого слушать.

Я огляделся. Туристы толпились у колонн, голуби ворковали, оркестр у знаменитого кафе «Флориан» заиграл Вальс Бостон, а мой чёрный друг уселся на гранитный парапет и начал перечислять:

– Во-первых, Дворец дожей. Он прямо рядом. Ты знаешь, что такое «дворец дожей»? Нет, не просто красивое здание. Это была резиденция правителей Венецианской республики. И там есть своя тайна.

– Какая? – спросил я, чувствуя, что кот сейчас начнёт очередную лекцию.

– Мост Вздохов, – он махнул лапой куда-то в сторону. – Его называют мостом влюблённых, но на самом деле это тюремный переход. Из дворца, где заседал суд, в тюрьму. Вздыхали заключённые, когда в последний раз видели небо. А название придумали поэты. Но ты не переживай, туда пускают. Только долго стоять в очереди. И потом, если ты хочешь понять Венецию, надо не только на мосты смотреть, но и с воды её видеть. Гондола – это не для туристов, это для того, чтобы почувствовать, как здесь пахло веками: сыростью, рыбой, тайнами.

– А ты плавал на гондоле? – спросил я с улыбкой.

– Я в ней спал, – важно ответил он. – Однажды, когда гондольер отвернулся, я заскочил на борт. Но не будем отвлекаться. Что ещё? Дзекка – монетный двор. И библиотека Марчиана, где хранятся рукописи, которым по тысяче лет. Но для тебя, как для человека, который учит итальянский, самое важное – это не здания, а истории. Венеция полна историй.

– Расскажи какую-нибудь, – попросил я.

Кот зажмурился, как будто вспоминал.

– Вот тебе история про льва, который стоит на колонне на площади. У этого льва есть фантастический секрет. Долгое время венецианцы были уверены, что украли его из Константинополя. Но ученые провели химический анализ бронзы и ахнули: металл добыли в Китае, в бассейне реки Янцзы!

– То есть, он из Китая? – удивился я.

– Именно. В восьмом веке, при династии Тан, это был не лев, а чжэньмушоу – крылатый свирепый монстр, охранявший чью-то богатую гробницу. Скорее всего, его привезли родственники Марко Поло. Местные мастера отпилили чудовищу рога, немного подправили морду, оставив восточные усы-бакенбарды, и положили под лапу Евангелие. На книге написано: «Мир тебе, Марк, евангелист мой».

– А я слышал, что львы в Венеции иногда держат меч вместо книги, – вспомнил я.

– Это на гербах и барельефах, – кот усмехнулся. – У венецианцев всё было строго. Если лев с открытой книгой, значит в республике мир. Если книга закрыта, а в лапе меч – Венеция с кем-то воюет. Наш парень на колонне – мирный. Но вообще, Венеция – это город, где каждый памятник что-то означает. И если ты хочешь почувствовать её дух, надо не бегать с камерой, а сидеть и слушать. Как сейчас.

Я сел на парапет рядом с котом. Солнце припекало, туристы шумели, но мне было хорошо.

– Так что же нам ещё посмотреть? – спросил я.

– А я думаю, – кот зевнул, – что нам пора перекусить. Время обеденное. Но раз уж ты спросил, то на закате можно подняться на колокольню Сан-Джорджо Маджоре на соседнем острове – туда очереди меньше, а вид на Дворец дожей фантастический. Или пройтись по улочкам еврейского гетто – первого в мире. Там своя атмосфера. Ты знал, кстати, что само слово «гетто» придумали именно здесь, от названия старого литейного завода?

– Нет, – признался я.

– Теперь будешь знать. И ещё, – кот встал, – не забудь зайти в церковь Санта-Мария делла Салюте. Её построили в честь избавления от чумы. Она белая, огромная, круглая, а вид от неё на Дворец дожей – самый открыточный в мире. Но это уже завтра. А сейчас – обед!

Он направился в сторону какой-то таверны, где пахло рыбой и чесноком.

– Ты платишь, – бросил кот через плечо.

– А ты?

– Я ловлю мышей, но здесь они водятся редко, поэтому... угощай.

Я улыбнулся и пошёл за ним. В конце концов, кот был моим гидом, и его советы стоили любой платы.

Мы перекусили в маленькой траттории, где пахло морепродуктами и свежим хлебом. Кот, конечно, потребовал рыбу, и я заказал ему филе дорадо, а себе – пасту с каракатицами. Ели молча, потому что кот не выносил разговоров за едой, а я просто наслаждался моментом.

Когда мы вышли, солнце стояло уже высоко.

– Ну что, – спросил я, – куда теперь?

Кот облизнулся и посмотрел в сторону воды.

– А давай на вапоретто. Прокатимся по Гранд-каналу. Ты ведь хотел увидеть Венецию с воды?

– Ещё как хотел! – обрадовался я.

– Тогда пошли на причал, – кот направился к набережной Сан-Марко. – Только запомни, что на вапоретто ходят суровые контролёры. И если ты без билета – штраф огромный. Они не знают, что я твой гид, и могут подумать, что ты везёшь зайца.

– У меня нет билета, – спохватился я.

– Купишь прямо здесь, в автомате, – махнул лапой кот. – А я пока просочусь на посадку и присмотрю место на открытой корме. Там ветер в усах и хорошо думается.

Он мгновенно скрылся в толпе туристов, а я достал банковскую карту. Вапоретто – это, конечно, обычный городской речной автобус, но билет для туристов стоит прилично. С другой стороны, это лучшая в мире обзорная экскурсия.

Едва я провалидировал билет у турникета, кот материализовался возле моей ноги и повёл к подплывающему судну.

– Какой у нас маршрут? – спросил я, усаживаясь на обдуваемой корме.

– Линия номер один, – он зажмурился от удовольствия, подставив морду морскому бризу. – Сейчас мы поплывём от Сан-Марко вверх по Гранд-каналу в сторону вокзала. Мимо будут проплывать дворцы, церкви, мосты. Каждый – со своей драмой. Названия я тебе перечислять не буду, а то до темноты застрянем, но главное запомни. Если увидишь дворец, фасад которого похож на тончайшее белое кружево из камня – это Ка' д'Оро, Золотой дом. Столетия назад его кружевная резьба действительно была покрыта сусальным золотом. А когда впереди покажется грандиозная крутая каменная арка, усаженная сувенирными лавками – это мост Риальто. Самый старый, открыточный и знаменитый. Под ним надо обязательно загадать желание.

– А что на Риальто? – спросил я.

– Там и сейчас бьётся сердце города, – кот принюхался к воздуху. – Старейший рынок. Каждое утро туда привозят горы свежей рыбы и овощей, а в тринадцатом веке здесь разгружали перец, шёлк и пряности со всей Азии. Правда, днём там сплошные сувениры и очереди. Но

виды с моста отличные. Можешь сесть на мраморные ступени и представить себя купцом эпохи Марко Поло.

– А ещё куда стоит добраться? – не унимался я.

– На дальние острова, – кот понизил голос, словно выдавал тайну. – На Мурано, где варят стекло. Там до сих пор мастера работают у раскалённых печей, как в Средние века. Можешь купить вазу ручной работы, такую хрупкую, что покажется, будто она лопнет от одного неловкого взгляда. На Бурано – остров кружев и разноцветных домиков. Гиды врут, что рыбаки красили их в яркие цвета, чтобы находить дорогу домой в тумане. На самом деле так они просто делили границы между семьями. И, конечно, Сан-Микеле – остров-кладбище. Там похоронен Стравинский, Дягилев... И ещё один русский поэт, который очень точно описал местную зиму. Забыл имя...

– Иосиф Бродский? – подсказал я.

– Он самый, – кивнул кот. – Так что, если любишь поэзию, тишину и кипарисы – тебе туда.

– Но на вапоретто туда плыть долго?

– Смотря откуда. Туда идёт другой маршрут, северный. А вот если бы мы сели на нашу «единицу» и поплыли в противоположную сторону, к открытому морю, то причалили бы к Лидо. Там огромные песчаные пляжи, роскошные отели и каждую осень крутят кино на Венецианском фестивале.

– А ты бывал на Лидо?

– Бывал, – кот обиженно дёрнул ухом. – Однажды меня туда увезли в корзинке туристы, решившие, что я домашний. Едва дождался обратного рейса. Песок не люблю – он забивается в лапы, да и пахнет там чужими котами.

Я рассмеялся. Кот важно поднял хвост, спрыгнул с сиденья и пошёл вдоль борта, как заправский боцман, контролирующий порядок на судне.

– Итак, едем на вапоретто, – как бы уточнил я.

– А ты сомневался? – кот уже сидел на корме, свесив лапу за борт. – Билеты не потеряй и запомни: не высовывайся сильно за борт, когда мы будем проходить под низкими мостиками в каналах. А то знаешь, сколько туристов своими дизайнерскими шляпами платили за невнимательность?

Мы отчалили. Вапоретто не спеша отходил от остановки, и Венеция начала раскрываться с другой стороны – не со стороны площадных мостовых, а со своей родной водной стихии.

– Смотри налево, – кот ткнул лапой в сторону берега. – Это Ка' д'Оро. Золотой дом. Видишь эту невероятную кружевную резьбу в камне? Когда-то весь этот фасад сиял чистым золотом и дорогой ультрамариновой краской. Местная знать приплывала сюда на черных гондолах, чтобы пить вино и плести заговоры.

– А сейчас там что? – спросил я.

– Музей, – кот вздохнул. – Как и почти всё в этом городе-декорации. Картины, скульптуры, старинная мебель. Но ты не расстраивайся: в Венеции главное не то, что внутри, а то, что снаружи. Это великий город фасадов. Его душа – в отражении камня, воде и вечерних тенях.

Мы плавно приближались к мосту Риальто. Кот прищурился.

– Ты знаешь, кстати, что этот мост не всегда был из камня? До конца шестнадцатого века он оставался деревянным. Однажды, в пятнадцатом веке, на него набилась безумная толпа зевак, желавших поглазеть на парадную свадебную регату какого-то маркиза. Мост просто не выдержал веса и рухнул в воду. Его отстроили заново, тоже из дерева и с разводной частью для прохода высоких кораблей. Каменным он стал только в 1591 году. Архитектор Антонио да Понте спроектировал одну мощную крутую арку, чтобы под ней свободно скользили крупные суда. И, кстати, никаких портных, торгующих шелками, Шекспир туда не сажал.

– Каких портных? – не понял я.

– Ну, вечно туристы путают, – кот презрительно дёрнул ухом. – Помнишь его «Венецианского купца»? Персонажи Шекспира постоянно спрашивали: «Что слышно на Риальто?». Только искали они там не портних и шмотки, а новости торговой биржи и деньги ростовщика Шейлока. Риальто был центром мирового капитала! А теперь посмотри на ряды этих палаццо вдоль воды. Каждый дом – как палимпсест: византийский фундамент, готическая роза окна, ренессансный балкон. Века истории наслоились здесь, словно на праздничном торте.

Я молчал, впитывая. Вода плескалась, солнце дробилось на мелких волнах. Кот, казалось, знал про каждый проплывающий мимо дворец какую-то личную историю.

Едва мы отошли от причала Сан-Марко, он указал лапой на огромный белый купол по левому борту:

– Вот она, Санта-Мария-делла-Салюте. Её построили в благодарность Богородице за избавление от страшной чумы, которая в 1630 году выкосила треть населения города. Тогда дож прилюдно поклялся возвести лучший храм. Строили его долго, почти пятьдесят лет. И до сих пор каждый год, двадцать первого ноября, венецианцы празднуют спасение: через Гранд-канал наводят временный понтонный мост, и весь город идёт со свечами к этому храму.

– А чума? – спросил я. – Она действительно отступила из-за высших сил?

– Конечно, отступила, – кот цинично зевнул. – Но не только из-за молитв, а ещё из-за жёсткого карантина. Венеция тогда ввела первые в мире строжайшие санитарные кордоны и придумала изолировать зачумлённые корабли на целых сорок дней. Но люди ведь отчаянно любят чудеса, а не сухие инструкции. Поэтому собор стоит, красивый и гордый.

С кормы вапоретто в синеве лагуны всё ещё чётко просматривался соседний остров. Кот повернул голову:

– Вон там, на колокольне Сан-Джорджо Маджоре, лучший вид на Венецию. Вечером, когда зажигаются первые фонари, а каналы темнеют, кажется, будто город отрывается от земли и плывёт в никуда. Обязательно поднимись туда, когда выберешь время.

– А ты разве поднимешься со мной? – спросил я с улыбкой.

– Я кот, – он усмехнулся, сощурив зелёные глаза. – Мне не нужны колокольни, чтобы видеть суть вещей. Я и снизу всё прекрасно замечаю. Но если пообещаешь угостить меня нежной треской... поднимусь. Хвост занесу ради компании.

Наш речной автобус тем временем углублялся в Гранд-канал, оставляя открытую лагуну позади. Мимо плавно скользили кружевной фасад Ка' д'Оро и величавая арка Риальто. Я смотрел на палаццо, на уходящие в воду деревянные сваи и чувствовал, что Венеция наконец начала говорить со мной через этого странного кота, через плеск воды и тёплый камень.

– Ну что, – спросил усатый гид, когда мы наконец сошли на берег на одной из тихих остановок, – понравилась водная прогулка?

– Даже слишком, – честно ответил я. – Теперь мне хочется увидеть и узнать вообще всё.

– Не всё сразу, – кот вальяжно направился в прохладную тень узкого переулка. – Иначе голова лопнет от избытка красоты. А у нас впереди ещё много дней. И очень много историй.

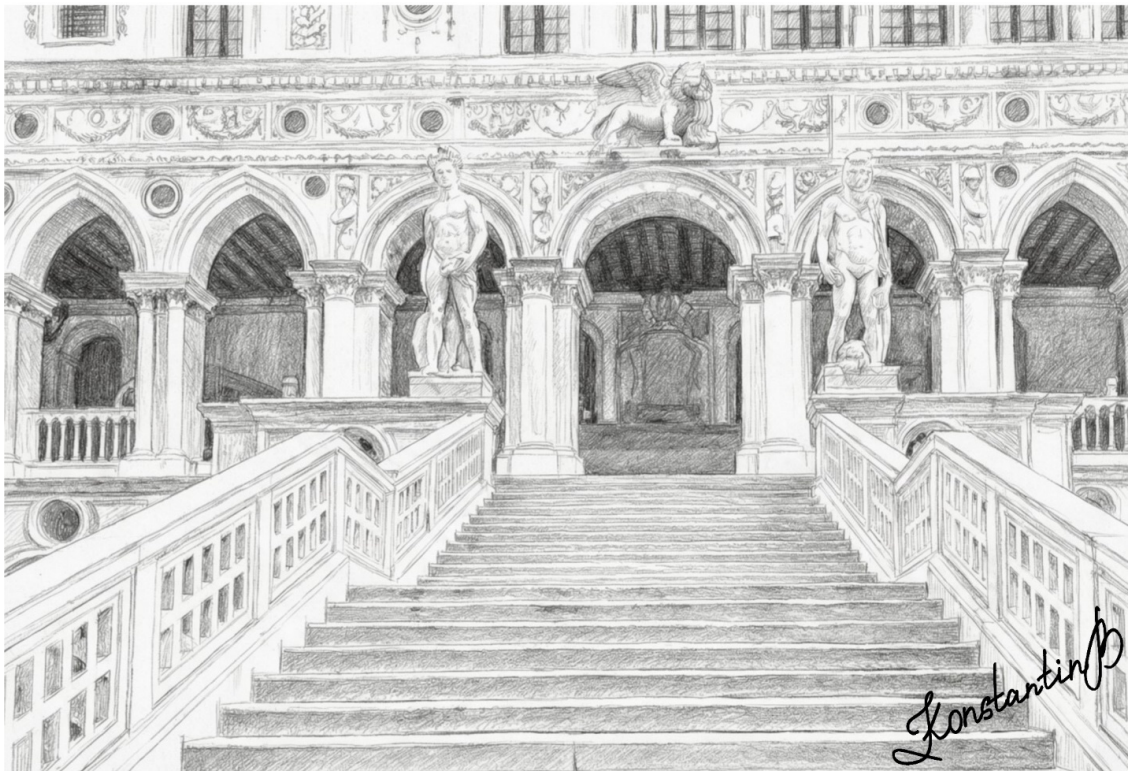
Я кивнул и послушно пошёл за ним по набережной. Я уже твёрдо знал, что лучшего проводника по этому мистическому городу мне не найти. Даже если он чёрный, пушистый и требует плату свежей рыбой.

– Что дальше? – Кот лениво потянулся, лёжа на парапете у воды. – А дальше, дорогой мой, мы идём туда, где вершилась судьба Венеции. Во Дворец дожей. Ты думаешь, это просто музей с красивыми залами? Нет. Это идеальная машина власти, которая безжалостно работала тысячу лет без единого перерыва.

Мы вошли во внутренний двор и остановились у подножия монументальной лестницы, которую кот назвал Scala dei Giganti – Лестницей гигантов, потому что сверху на неё сурово смотрели огромные мраморные статуи Марса и Нептуна.

– Здесь дожи давали присягу, – тихо пояснил кот. – Под этими фигурами они получали символическую власть над сушей и морем. Только вот власть иллюзорна, а камни – вечны. Венеция тысячу лет была республикой, и её секрет – в балансе. Дож был лишь фасадом, его жестко контролировал Большой совет. А чтобы аристократы не зарывались, на стенах дворца висели «Львиные пасти» – мраморные ящики для тайных доносов. Любой мог бросить туда записку, и Совет десяти начинал расследование. Система была умной и страшной.

По Золотой лестнице с невероятной лепниной мы поднялись на верхние этажи.

– А теперь смотри на потолки, – кот уселся на банкетку в углу. – Там Веронезе и Тинторетто. Они писали вечную славу республики. Но за этой позолотой скрывался мрак. Туристы часто думают, что камеры пыток находились под водой, в каналах. Глупости! Их бы затапливало каждый прилив. Нет, здесь всё изощрённее. Самых опасных запирали прямо над этими залами в «Пьомби», – Свинцовых тюрьмах под самой крышей. Летом там была жара, как в духовке, а зимой – ледяной ад. Внизу – парадный бал, музыка, шёлковые платья, а над головами гостей сходят с ума узники.

– И что, никто внизу не слышал их криков? – спросил я.

– Слышали, – кот равнодушно зевнул. – Но государственные интересы требовали умения не замечать лишнего. Иди за мной.

Он провёл меня в грандиозный Зал Большого совета. Под самым потолком тянулся фриз с портретами всех правителей города. Один из них был полностью закрашен чёрной краской, а поверх шла надпись на латыни.

– А это почему? – спросил я, разглядывая чёрное пятно.

– Предатель, – коротко бросил кот. – Дож Марино Фальеро. В четырнадцатом веке он попытался устроить военный переворот, чтобы стать единоличным тираном. Ему оперативно отрубили голову, тело выбросили, а портрет закрасили чёрным саваном. Венецианцы стирали даже память о тех, кто посягнул на республику. Ты бы хотел, чтобы твой портрет вот так закрасили для истории?

– Нет, – признался я.

– То-то же. Цени свободу и пошли дальше.

Мы перешли в грандиозный Зал Большого совета. Колоссальное пространство без единой опорной колонны, а на торцевой стене высится «Рай» Якопо Тинторетто, официально признанный самой большой картиной на холсте в мире. Не фреска, а именно гигантский масляный холст. Я задрал голову, пытаясь объять взглядом тысячи деталей, а кот со знанием дела комментировал:

– Там сотни и сотни праведников. Но знаешь, что ценно? Старик Тинторетто умудрился вписать туда автопортрет и лицо любимой дочери Мариэтты. А ещё, говорят, где-то в толпе святых притаилась собака. Художник обожал животных и терпеть не мог чванливых заказчиков.

– А почему этот зал такой огромный? – спросил я шёпотом.

– Потому что здесь одновременно собиралось до двух тысяч человек. Весь цвет венецианского патрициата, имевший право голоса. Они часами сидели на этих скамьях, решая вопросы войн, международной торговли, казней... Ну и, разумеется, меню на вечер, ведь венецианцы никогда не забывали о хорошей кухне.

Кот заговорщицки подмигнул мне и юркнул в неприметную деревянную дверь в углу, за которой начинались узкие служебные коридоры.

– Куда мы? – удивился я. – Туристы туда не ходят.

– Со мной ходят, – промурлыкал кот. – Мы покидаем парадную зону и поднимаемся по секретным лестницам инквизиторов прямиком в «Пьомби». Я обещал тебе показать, где сидел Джакомо Казанова.

– Тот самый великий авантюрист?

– Он самый. Писатель, философ, шпион и, как утверждают историки, не самый плохой любовник своего века. Его упрятали под эту крышу, где свинец раскалялся летом и превращал каземат в ледник зимой. Но Казанова совершил невозможное. Он единственный в истории совершил успешный побег из этих стен.

– И как он это сделал? – загорелись у меня глаза.

– Вместе с подельником-монахом они пробили дыру в потолке, ночью выбрались на скользкую свинцовую крышу дворца и через слуховое окно проникли обратно в административные залы. Там они... просто переоделись в чистые камзолы. На рассвете они невозмутимо спустились по Золотой лестнице к выходу. Спящий стражник принял их за засидевшихся за картами судей, зевнул и открыл им главные ворота. Казанова покинул тюрьму через парадный вход, сел в гондолу и уплыл. А ты, помнится, робел спросить дорогу у обычного итальянца на улице.

– Ну, я всё-таки не Казанова, – попытался оправдаться я.

– Это уж точно, – философски согласился кот, ловко перепрыгивая через очередную скрипучую ступеньку.

Из секретных казематов мы снова вернулись на парадный маршрут. Кот повёл меня по анфиладе залов на самый верхний этаж, где располагаются Оружейная палата и залы картографии.

В Зале Карт я застыл перед огромной старинной сферой и настенными картами мира.

– Обрати внимание, – кот запрыгнул на деревянную подставку. – Это карта Фра Мауро. Венеция здесь как пуп земли и центр вселенной. Как и полагается великой морской империи.

Мы прошли дальше, мимо рядов средневековых мечей, арбалетов и мушкетов. В одной из стеклянных витрин я заметил совсем странную, миниатюрную конструкцию.

– А это что? Доспехи для... кота? – я прищурился.

– Бери выше, – кот усмехнулся. – Это настоящие боевые доспехи для ребенка. Венецианские аристократы с пелёнок готовили наследников к войне. А вот котов в броню никогда не заковывали. Зачем? Мы сами себя прекрасно защищаем.

– Хочешь сказать, у тебя есть тайная броня? – улыбнулся я.

– Моя идеальная шерсть и когти – лучшая защита в любом переулке, – важно ответил он. – Ладно, пошли. Нам пора переходить на ту сторону.

Мы спустились к глухому переходу и вошли внутрь Моста Вздохов. Через узкие резные отверстия в каменных стенах кот показал лапой на крошечный кусочек лагуны.

– Вот здесь они и вздыхали. Осуждённые шли по этому закрытому коридору из залов суда прямиком в здание Новых тюрем. В последний раз видели кусочек неба, воду, венецианские гондолы... И вздыхали, понимая, что впереди лишь мрак. Отсюда и название. А глупые туристы-романтики XIX века выдумали легенду, будто если поцеловаться на гондоле под этим мостом на закате, то любовь станет вечной. Ерунда. На самом деле тут вздыхали те, кто этого заката больше никогда в жизни не видел.

Я задумчиво притих, глядя сквозь узорчатую решётку на скользящие внизу лодки. Кот мягко тронул меня лапой за джинсы.

– Не грусти, меланхолия тебе не идет. На сегодня хватит мрачной истории, а то ещё разрыдаешься от умиления к узникам республики. Пошли на воздух.

Мы миновали тюремные коридоры, спустились во двор и вышли на площадь. Солнце стремительно клонилось к закату, окрашивая розовый мрамор Дворца дожей в янтарные тона.

– Что теперь? – спросил я, вдыхая прохладный морской воздух.

– А теперь – джелато, – кот сладко облизнулся. – Идём в одну проверенную джелатерию на соседней улочке. Там делают такое фисташковое мороженое, от которого уши в трубочку заворачиваются. А потом устроимся на набережной Неисцелимых. Будем смотреть, как Венеция засыпает.

– А потом?

– А потом, я наконец-то свернусь клубком и буду спать на твоих тёплых коленях, – он посмотрел на меня своими пронзительными зелёными глазами. – Не возражаешь?

– Ни капли, – улыбнулся я. – Буду только рад.

И мы пошли вдоль набережной. Мой чёрный гид, мой верный кот-переводчик и пушистый философ. Венеция вокруг нас медленно зажигала первые огни и, кажется, с каждым шагом становилась мне чуточку роднее.

– Читаешь не отрываясь? – кот ухмыльнулся, заметив мой взгляд на раскрытый путеводитель. – Это хорошо. Значит, я не зря стираю лапы. А теперь, раз тебе понравилось во Дворце дожей, давай завершим этот вечер чем-то по-настоящему особенным.

Мы вышли из ворот дворца на Пьяццетту, и кот указал хвостом на монументальное здание прямо напротив нас.

– Библиотека Марчиана. Величайшее книгохранилище республики. Туда веками свозили греческие, латинские и арабские манускрипты со всего света. Именно в её монументальный читальный зал в итоге переехала та самая карта Фра Мауро, которую мы обсуждали. Но венецианские гиды любят травить туристам одну байку...

– Какую? – я прищурился.

– Будто в закрытом внутреннем дворике библиотеки среди архивной пыли уже триста лет живёт огромная сухопутная черепаха, привезённая из крестового похода. Якобы она помнит дожей, инквизиторов и самого Наполеона.

– И это правда? – загорелся я, заглядывая за кованую решётку окон.

– Ну конечно же миф! – Фыркнул кот. – Во-первых, от местной сырости и наводнений бедный африканский гад окочурился бы в первую же зиму. Во-вторых, единственные полноправные хозяева скрытых садов Венеции – это мы, коты. Черепахе здесь ловить нечего. Хватит смотреть на закрытые двери, пойдём, уже поздно. На закате Венеция полностью меняет маску. Сейчас самое время поймать правильный свет на колокольне Сан-Джорджо Маджоре.

– Но этот остров же на другой стороне лагуны? – спросил я, глядя на белеющий вдали собор.

– А лапы нам на что? Мы поплывём, – кот уверенно зашагал к причалу на набережной. – Вон стоит «двойка». До острова ровно пять минут ходу.

Мы запрыгнули на борт вапоретто, теплоход отчалил, и Венеция мгновенно раскрылась в каком-то нереальном, кинематографическом ракурсе. Уходящее солнце тонуло где-то за Джу-

деккой, и весь город – от куполов Салюте до готических окон Дворца дожей – внезапно вспыхнул, будто его отлили из расплавленного червонного золота.

– Вот, – кот запрыгнул на планширь бортового ограждения и указал мордой на приближающийся остров. – Видишь эту кампанилу собора? Оттуда, сверху, вся лагуна видна как на ладони. До самого открытого моря. Запомни, если хочешь по-настоящему разгадать Венецию, на неё нужно смотреть с двух ракурсов сразу. Снизу – из тёмной воды каналов, и сверху – из этого золотого неба. Пошли на площадку, пока лифт не закрыли.

Мы поднялись на колокольню собора. Я подошёл к самому краю площадки, посмотрел на расстилающийся внизу город, и у меня буквально перехватило дыхание от этой панорамы.

– Ну как, красиво? – негромко спросил кот.

– Невероятно... – только и смог выдохнуть я.

– А теперь закрой глаза, – скомандовал он.

Я послушно закрыл. На такой высоте солоноватый морской ветер резко дул прямо в лицо, над головой протяжно кричали чайки, а откуда-то снизу, с проплывающих лодок, доносились обрывки живой музыки.

– Запомни этот миг, – почти прошептал кот. – Венеция – это не просто старые камни. Это чистая эмоция. Когда ты стоишь над лагуной и физически чувствуешь, что время вокруг тебя остановилось. И ты теперь его крошечная часть.

Я открыл глаза. Кот сидел на самом краю каменного парапета, спокойно глядя в закатную даль.

– Спасибо тебе, – искренне сказал я.

– Не благодари, – фыркнул он, не поворачивая головы. – Лучше купи мне хорошей рыбы на ужин. И джелато. Помнишь? Фисташкового.

– Договорились, – улыбнулся я.

– Ну, тогда пошли к лифту, – кот спрыгнул на площадку и направился к выходу. – Завтра будет новый день. И новые тайны.

– Какие именно?

– Узнаешь, – кот загадочно мурлыкнул.

Двери лифта плавно закрылись, мы спустились обратно в прохладу собора. Я шёл к выходу и всем сердцем чувствовал, что этот город теперь навсегда останется внутри меня, а чёрный кот станет его главным голосом, его скрытой душой и моим вечным спутником.

– Слушай, а как же картины? – спросил я, когда мы вышли из дверей собора на вечернюю набережную острова. – В Венеции ведь должны быть музеи с великими шедеврами. Я безумно люблю, когда рассказывают про старую живопись: почему художник выбрал именно этот ракурс, что он хотел сказать и какие зашифрованные тайны спрятал между слоями краски.

Кот резко остановился на мраморных плитах и посмотрел на меня с лёгким удивлением.

– Ты удивительный человек. Обычно двуногие туристы сразу спрашивают у меня, где дешевле купить карнавальную маску или сожрать разогретую пиццу. А ты – про скрытые смыслы в картинах. Ну что ж, раз ты у нас такой тонко чувствующий, вечер мы завершим тихой прогулкой и фисташковым джелато, а вот завтра с утра у нас начнётся серьёзная культурная программа. Мы идём в Галерею Академии. Там хранится самое сердце, вся кровь и плоть венецианской живописи. Но даже не думай, что я буду уныло стоять перед каждым полотном и зачитывать тебе музейную этикетку. Я расскажу только то, что действительно важно. А остальное – ты должен будешь почувствовать сам.

Я чуть не подпрыгнул от нетерпения, но вовремя сдержался. Мой усатый проводник не выносил суеты.

– А пока ночь не вступила в свои права, – продолжил он, спрыгивая с парапета, – давай поужинаем, и я расскажу тебе про одно фантастическое место, куда обычные гиды водят туристов в последнюю очередь. Это Скуола Гранде-ди-Сан-Рокко. Там висят полотна Тинторетто –

гения, который писал так быстро, яростно и страстно, что современники прозвали его «Божественным безумцем».

Мы отыскали крошечную, скрытую от толп тратторию у глухого канала. Кот, верный своим привычкам, потребовал рыбу, а я заказал бокал местного красного вина и ризотто с чернилами каракатицы. Принесённая еда оказалась потрясающей, но я слушал кота, буквально забывая подносить вилку к рту.

– Тинторетто, – начал он, аккуратно поддевая лапой кусочек рыбы, – был не просто художником. Он был одержим искусством. Когда Скуола объявила творческий конкурс на роспись потолка, другие мастера месяцами корпели над эскизами. А Тинторетто не стал ждать. Он тайно разузнал размеры, за пару дней написал огромный готовый холст «Святой Рох во славе» и ночью закрепил его прямо по центру потолка. Утром заказчики пришли смотреть наброски конкурентов, а Тинторетто сорвал ткань со своего полотна. Все ахнули. Он заявил, что дарит картину святому покровителю, а по уставу Скуола не имела права отказываться от подношений. Так он забрал весь контракт. Позже он написал там своё великое «Распятие». На площади в несколько десятков метров – вихрь из сотен фигур, свет, тьма и безумное движение. Кажется, что эти холсты писали не нежной кистью, а яростным штормовым ветром.

– Я безумно хочу это увидеть! – воскликнул я.

– Увидишь, – понимающе усмехнулся кот. – Но всему свой черёд. Сначала, как и договаривались, – Галерея Академии. Там тебя ждёт Джорджоне.

– Кто это?

– Джорджоне, – кот тяжело вздохнул. – Великий мастер, который умер совсем молодым во время очередной эпидемии чумы. Но он успел подарить миру «Грозу». Это, пожалуй, самая загадочная и гипнотическая картина в истории живописи. Ты будешь стоять перед ней и не понимать, что вообще происходит на холсте? Почему обнажённая женщина кормит младенца прямо на траве под приближающейся молнией? Почему странный солдат с алебардой застыл в стороне? Никто не знает правильного ответа. Лучшие искусствоведы планеты ломают копья уже пятьсот лет. Но в этом и кроется главный секрет: здесь не нужно искать логику. Её надо просто чувствовать.

– А ты... чувствуешь её? – тихо спросил я.

– Прямо сейчас я чувствую божественный запах своей рыбы, – он фыркнул, но тут же добавил тише: – Но «Грозу» я тоже искренне люблю. Именно за то, что она не даёт готовых ответов. Как и сама жизнь.

Мы доели свой поздний ужин, расплатились и вышли в прохладную вечернюю Венецию. Кот уверенно направился к горбатому мостику, а я покорно шёл следом, думая о надвигающейся грозе, великом обманщике Тинторетто и о том, как же много тайн этого города мне ещё только предстоит открыть.

– Завтра, – напутствовал меня кот, когда мы подошли к мосту, – ты увидишь грандиозное полотно Паоло Веронезе «Пир в доме Левия». Первоначально мастер писал его как «Тайную вечерю» для доминиканского монастыря, но святая инквизиция пришла в ярость и заставила художника всё переиначить.

– Почему? – полюбопытствовал я.

– Потому что Веронезе превратил священное событие в роскошный венецианский карнавал, – ухмыльнулся кот. – Судьи на допросе так прямо и зачитывали: «Позволительно ли сажать у престола Господня шутов, пьяных немецких солдат с алебардами, карликов с попугаями и слуг с разбитыми носами?». Суровые доминиканцы не прощали балагана за священной трапезой. Пришлось Паоло срочно менять название, чтобы не угодить на костёр.

– А где она висит сейчас?

– В той же Галерее Академии, занимая целую стену, – кот лениво зевнул. – А теперь марш спать. Завтра будет долгий и насыщенный день. И помни моё главное правило: смотреть

на великие картины – это как слушать сложную музыку. Никогда не торопись. Дай картинам время и тишину, чтобы они сами с тобой заговорили.

Я послушно кивнул. Мы тепло попрощались у дверей моего отеля, и я ещё очень долго не мог сомкнуть глаз. В полумраке номера мне наперебой представлялись надвигающаяся гроза Джорджоне, яростное «Распятие» Тинторетто и шумный пир Веронезе с пьяными наёмниками и собаками. А эксцентричный чёрный кот в этот момент, наверное, уже ловко выслеживал мышей в лабиринтах венецианских переулков. Или просто вальяжно гулял по крышам, подставив морду серебряному свету луны.

Глава 2

Утро выдалось туманным. Венеция просыпалась нехотя, кутаясь в белёсую дымку тумана, и только неугомонные чайки уже вовсю орали на весь канал. Кот ждал меня у входа в Галерею Академии, невозмутимо умываясь на каменном парапете.

– Ты вовремя, – бросил он, не прекращая мыть лапу. – Я уже успел перекинуться парой слов с местными крысами. Они подтвердили, что сегодня на входе затишье, очередь небольшая. Идём.

Внутри музейных залов было прохладно и торжественно тихо. Ленивые толпы туристов ещё не набежали, и мы могли совершенно спокойно бродить от полотна к полотну. Кот уверенно шёл впереди, лишь изредка оглядываясь, чтобы убедиться, что я не застыл у какого-нибудь второстепенного портрета.

– Первая остановка у Джорджоне, – он указал мордой на небольшое, камерное полотно в тяжёлой раме. – «Гроза».

Я подошёл ближе. На картине было тревожное небо, разорванное далёкой молнией, обнажённая женщина с младенцем у груди, парень с посохом на краю моста и какие-то античные руины. И ни малейшего понятия, как связать всё это воедино.

– Я решительно ничего не понимаю, – честно признался я.

– И не надо, – кот понимающе усмехнулся. – Это тебе не детективный роман, где в конце назовут убийцу. Это чистейшее настроение. Вглядись в этот колорит: глубокий зелёный, грозовой синий, тёплая охра. Чувствуешь этот густой, наэлектризованный воздух прямо перед бурей? Вот это осязаемое напряжение и есть главный сюжет картины. А тайные смыслы выдумали искусствоведы, которым просто нужно писать диссертации.

– Но всё-таки... почему эта женщина кормит ребёнка на траве под надвигающейся молнией? И кто этот солдат?

– Да какая разница! – фыркнул кот. – Ищейки от искусства пятьсот лет спорят, что тут зашифровано: Адам и Ева, бегство в Египет или аллегория Милосердия и Стойкости. А разгадки нет. Знаешь, почему? Ювелиры просветили этот холст рентгеном и ахнули. На месте этого парня Джорджоне сначала написал вторую голую женщину, купающую ноги в ручье! Понимаешь? Он просто взял и закрасил её, поставив вместо неё мужчину, потому что так ему показалось красивее. Он не иллюстрировал мифы, он ловил свет. Посмотри, как вспышка молнии на мгновение вырывает из темноты белые облака и стены зданий. Мир замер в предчувствии катастрофы.

Я долго стоял перед картиной, вглядываясь в её вибрирующие слои. И вдруг действительно осознал, что великую живопись необязательно расшифровывать умом. Её можно... просто проживать.

Мы перешли в соседний просторный зал, и у меня невольно вырвался вздох восхищения. Перед нами высилось колоссальное полотно, занимавшее почти всю стену. Настоящий пир горой: шуты в пёстрых колпаках, весёлые слуги, холёные собаки и гости в расшитых золотом венецианских одеждах. И лишь в самом центре этого шумного праздника угадывались фигуры Христа и его апостолов.

– Это и есть тот самый «Пир в доме Левия» Паоло Веронезе, – негромко пояснил кот.

– По-моему, это потрясающе красиво, – искренне сказал я, не в силах оторвать взгляд. – И эта огромная породистая собака прямо у центральной арки – просто замечательная.

– Ты прав, – кот одобрительно прищурился. – Веронезе наотрез отказался писать постные, унылые святые лица. Он хотел запечатлеть современную ему Венецию, которая ликовала, была баснословно богата и абсолютно беспечна. Спаситель здесь выглядит скорее как желан-

ный почётный гость на патрицианском приёме, а не как грозный судья. Для шестнадцатого века это была форменная ересь. Но Паоло изящно вывернулся. Он просто переименовал картину, сославшись на другой библейский сюжет, и тем самым спас холст от костра, а себя – от застенков. Доминиканские монахи потом веками обедали, глядя на этот пир, и, полагаю, знатно завидовали нарисованным блюдам. Ладно, идём дальше, пока залы не заполнили шумные экскурсионные группы.

Мы двинулись дальше по анфиладе. Миновали залы с мистическими кошмарами Иеронима Босха (кот брезгливо буркнул: «Слишком много чертовщины, не для слабонервных»), прошли мимо строгих византийских икон («Ты это уже видел в соборе Сан-Марко, не отвлекайся на повторы») и наконец остановились в тихом углу перед небольшим портретом молодого человека кисти Джорджоне.

– Вглядись в это лицо, – кот заметно понизил голос. – Искусствоведы называют его «Портретом Антонио Броккардо». Посмотри на изгиб его губ. Едва приметная, меланхоличная улыбка. Кажется, что парень улыбается своим мыслям, но его глаза полны затаённой, глубокой грусти. Джорджоне первым в Венеции научился писать не просто парадные маски, а живую, ранимую человеческую душу.

– Откуда ты всё это знаешь? – в очередной раз поразился я.

– Я годами незаметно ночую в этих залах, – он снисходительно повёл ухом. – Смотри и впитывай. Именно из этих мягких венецианских полутонов и психологических улыбок Джорджоне и Леонардо да Винчи чуть позже выведут совершенно новый язык европейской живописи. Но это уже совсем другая история. Пошли к выходу, у меня от этих шедевров разыгрался зверский аппетит.

Мы вышли из дверей Галереи Академии, когда полуденное солнце поднялось уже совсем высоко, окончательно разогнав утренний туман. Кот лениво щурился на яркий свет и казался немного уставшим от роли профессора искусствоведения.

– На сегодня с академической живописью хватит, – решительно заявил он. – Передоз прекрасного вреден для пищеварения. Вечером, если у тебя ещё останутся силы, сходим в Скуолу Гранде-ди-Сан-Рокко. Там Тинторетто устроил настоящий мистический театр из библейских сцен. Но сначала – обещанный обед.

– Договорились, – я осторожно погладил его за ухом, и он, к моему удивлению, не стал отстраняться. – Спасибо тебе, кот. Ты открываешь мне Венецию с такой удивительной стороны, о которой не пишут ни в одном глянцевом путеводителе.

– Путеводители пишут для тех, кто умеет только смотреть, но совершенно не умеет слушать, – кот высокомерно усмехнулся. – А ты слушать умеешь. Поэтому мы с тобой и ладим. И запомни на будущее, что настоящая Венеция никогда не заканчивается на парадной площади Сан-Марко. Она чутко прячется в каждой трещине старой кирпичной кладки, в каждом загадочном мазке на холсте и в каждом моём довольном мурлыканье.

Он вальяжно направился вглубь тенистого переулка, а я поспешил за ним. Раскалённый город ждал. И новый мистический вечер в компании «Божественного безумца» Тинторетто был уже совсем не за горами.

– Ну что, отдохнул? – спросил кот, когда мы после обеда вышли на набережную. – Тогда идём в Скуолу Гранде-ди-Сан-Рокко. Там тебя ждёт Тинторетто. Но предупреждаю сразу: это не унылый музей, это грандиозный театр одного художника. И он там – главный режиссёр, сценарист и декоратор.

Мы перешли мост и остановились перед величественным, ослепительно белым мраморным фасадом, усеянным колоннами.

– Венецианцы не поскупились на этот роскошный парадный фасад, – кот иронично прищурился. – Но поверь, вся эта внешняя помпезность ничто по сравнению с той бурей, что бушует внутри. Тинторетто писал картины как мизансцены. Свет там падает так, что ты сам мгновенно проваливаешься внутрь действия. Идём.

Внутри первого, Нижнего зала было полутемно. Немногочисленные туристы бродили, задрав головы к потолку, но кот решительно повёл меня вверх по монументальной парадной лестнице.

– Начнём со второго этажа, – скомандовал он. – В Главном верхнем зале нас ждут «Медный змий» и библейские пророки. Но ты смотри не только на библейские сюжеты. Вглядись, как бешено Тинторетто играет с анатомией. У него человеческие тела вырываются из рам, изгибаются в падении, словно они вот-вот выпрыгнут с холста прямо на эти мраморные полы.

Я поднял глаза на потолок, и в памяти тут же всплыл наш с котом разговор.

– Это тот самый потолок, куда он тайно ночью водрузил свою готовую картину вместо эскиза? – тихо спросил я.

– Он самый, – довольно мурлыкнул кот. – Вон она, в центре – «Святой Рох во славе». Заказчики тогда знатно побесились, но шедевр оставили. А теперь пошли в соседнюю комнату Альберго. Я покажу тебе то, ради чего сюда едут со всего мира.

Мы шагнули в боковой зал, и я буквально замер. Огромное «Распятие» занимало всю стену целиком – двенадцать метров живой экспрессии. Клубящаяся темнота, резкие вспышки света, кони, лестницы, веревки и палачи. Казалось, художник запечатлел на холсте не статичный момент, а яростное движение целой эпохи.

– Смотри в самый центр, – кот приподнял переднюю лапу. – Спасителя только-только подняли на кресте. Его фигура буквально источает божественное свечение. А вокруг – абсолютная житейская суета. Одни равнодушно бросают кости на одежду, другие бьются в исте-

рике, третьи – просто проходят мимо по своим делам. Тинторетто гениально показал, что даже в момент величайшей космической трагедии обычная жизнь не останавливается ни на секунду. Всё как в самой Венеции, где вокруг бушует чума, плетутся заговоры, рушатся империи, а карнавал на площади идёт своим чередом.

Я присмотрелся к правому краю картины, выискивая детали в тени.

– А сам художник здесь есть?

– Разумеется, – усмехнулся кот. – Яростный Тинторетто всегда оставлял своеобразную подпись. Вон там, у самого подножия креста, среди скорбящих, он написал самого себя – сурового, сильного мужчину с окладистой бородой. Он пристально смотрит прямо на нас сквозь толщу веков. Как будто безмолвно спрашивает: «Ну что, приятель, ты хотя бы теперь понял, ради чего всё это было создано?».

Мы долго стояли в тишине. Кот чутко не торопил меня, давая времени и пространству уложиться в сознании. Наконец он тихо произнес:

– А теперь посмотри ещё раз наверх, на «Святого Роха во славе». Помнишь, я рассказывал, как Тинторетто тайно закрепил это полотно на потолке? Старая монастырская легенда гласит, что когда один из доминиканских братьев упрекнул мастера: «Ты изображаешь святого заступника слишком приземлённым, слишком человечным!», яростный Паоло отрезал: «Я пишу его ровно таким, каким он и был. Истинная святость – это не отрешённый взгляд в небо. Это деятельная любовь к людям, даже когда они смердят от чумных язв».

– Прямо так жестко и сказал? – невольно улыбнулся я.

– Он вообще никогда не отличался светскими манерами, – кот сладко потянулся всем телом. – Но крутой нрав не мешал ему создавать великие шедевры. Пойдём, я покажу тебе ещё одну удивительную вещь.

Мы спустились обратно в Нижний зал и подошли к огромному холсту «Благовещение».

– Смотри, – кот указал ухом на фигуру Марии. – Никакого привычного смирения. Она буквально вздрагивает от шока. А архангел Гавриил не сходит плавно на облаке, а влетает в комнату как настоящий ураган, круша ветхую кирпичную кладку! Это не благочестивая, застывшая сцена из школьного учебника. Это живой, драматичный и пугающий прорыв божественного в реальный мир. Искусствоведы говорят, что Тинторетто, создавая этот вихрь, неосознанно вложил в лицо Марии смутное предчувствие великой скорби. Пройдет всего несколько лет, и его собственная любимая дочь Мариэтта, его главная помощница в мастерской, тяжело заболеет и угаснет у него на руках. Из этого страшного отцовского горя родится его финальная, почти чёрная «Тайная вечеря» в Сан-Джорджо.

– Откуда тебе вообще известны такие интимные подробности? – тихо спросил я, поражённый его осведомлённостью.

– Я живу в этой лагуне уже не первый век, – кот загадочно сощурил свои изумрудные глаза. – В том смысле, что мои предки обитали в этих кварталах. И бережно передавали подслушанные истории из поколения в поколение. Мы настоящие и единственные хранители подлинной памяти этого города.

– Хочешь сказать, твои прадеды лично мяукали Тинторетто?

– Ну, не лично ему, – ухмыльнулся кот. – Но они определённо грелись на залитых солнцем подоконниках его мастерской в районе Каннареджо. И очень внимательно запоминали каждый взмах его кисти. Ладно, на сегодня откровений более чем достаточно. Твоя человеческая голова уже явно переполнена духом Ренессанса. Пора на воздух.

Мы вышли на улицу. Стремительно вечерело, и кирпичные стены Скуолы окрасились в густой багровый цвет. Кот по-хозяйски устроился на истёртых мраморных ступеньках и заворожённо посмотрел на угасающий закат.

– Мне кажется, – тихо сказал я, присаживаясь рядом, – я сейчас чувствую себя так, будто побывал вовсе не в музее, а на иммерсивном спектакле. Где каждая картина как живой актёр, а режиссёр этого безумия – Тинторетто.

– Так оно и есть, – одобрительно кивнул кот. – Старик Паоло и был прирождённым режиссёром. Только вместо подмостков у него была стена, а вместо живой труппы – холст и масло. Причём он обожал зашифровывать в своих постановках потрясающие визуальные фокусы. Например, в своей финальной, совершенно мистической «Тайной вечере» в соборе Сан-Джорджо-Маджоре он превратил священное событие в полумрак обычной венецианской таверны. И сам спрятался на картине в образе обычного бородатого слуги, убирающего со стола посуду. А из дыма масляного светильника там сотканы настоящие призрачные ангелы.

– Как невероятно! А ты покажешь мне эту картину?

– Обязательно, – кот сладко зевнул, обнажив острые клыки. – Но точно не сегодня. На сегодня программа-максимум выполнена, впереди – заслуженный ужин и отдых. А вот завтра, если не побоишься, мы отправимся в Ка' Реццонико. Там тебя ждёт галантная и порочная Венеция восемнадцатого века. И очень любопытная загадка в виде портрета, тайну которого до сих пор никто не может разгадать.

– Что ещё за портрет? – заинтригованно спросил я.

– Увидишь, – кот загадочно промурлыкал, жмурясь на первые вечерние огни. – Только приготовься к тому, что в залах этого огромного палаццо водятся не только картины, но и самые настоящие привидения.

– Привидения? В музее? – я недоверчиво улыбнулся.

– А ты наивно полагал, что в таком старом и сыром городе нет призраков? – кот плавно поднялся на лапы и расправил хвост. – Ещё как есть! Некоторые из здешних аристократов заказывали свои портреты при жизни, безумно не желая стареть, а потом просто наотрез отказались умирать. Теперь их неприкаянные души в масках-баутах веками бродят по пустым залам среди зеркал и гобеленов. Но ты не дрейфь, я буду рядом. Призраки покойных патрициев никогда не связываются с котами. Нам они не указ.

Мы не спеша зашагали в сторону светящихся вывесок вечерних тратторий. И я окончательно поймал себя на мысли, что эта ускользающая Венеция уже никогда не перестанет меня удивлять. Особенно когда твоим проводником выступает ироничный чёрный кот, который, кажется, лично знаком со всеми тайнами этой лагуны.

– О чём кот расскажет дальше? – негромко переспросил я сам себя, когда мы устроились вечером за угловым столиком в маленькой траттории у канала.

Кот, увлечённо занятый нежным рыбным филе, на секунду поднял голову и сладко облизнулся.

– О том, о чём ты сам панически боишься спросить, – загадочно промурлыкал он. – О венецианских призраках, зловещих масках и тайнах, которые этот город веками ревностно скрывает даже от своих старожилов.

– Ты ведь обещал мне рассказать про портрет-загадку в Ка' Реццонико, – напомнил я.

– Ах, этот... – кот понимающе сощурился. – Ну что ж, завтра с утра туда и отправимся. Только сразу предупреждаю, что этот грандиозный палаццо – далеко не самый любимый маршрут у массовых туристов. И это к лучшему. Потому что в его пустынных зеркальных залах до сих пор можно внезапно встретить... кое-кого лишнего.

– Самое настоящее привидение?

– Ты слишком нетерпелив, – кот вальяжно отодвинул пустую тарелку. – Но раз уж у тебя так загорелись глаза, слушай.

Мы покинули тратторию, когда окончательно стемнело. Венеция зажгла тусклые вечерние фонари, и вода в каналах мгновенно стала чёрной и густой, как чернила каракатицы. Кот уверенно шёл впереди, ни разу не оглядываясь.

– Ка' Реццонико, – начал он, лавируя между тенями палаццо, – это колоссальный барочный дворец прямо на Гранд-канале. Его строила невероятно богатая семья купцов, которая в итоге дала миру не просто какого-нибудь очередного дожа, а целого Папу Римского – Климента Тринадцатого! Сейчас внутри воссоздан роскошный музей восемнадцатого века с резной мебелью, стопудовыми люстрами из муранского стекла и карнавальными костюмами... И, разумеется, живопись. В одном из дальних залов висит камерный портрет юной девушки в нежно-голубом шелковом платье кисти мастера Пьетро Ротари.

– И какая у него история?

– В том-то и фокус, что подлинное имя этой девицы не зафиксировано ни в одном документе, – кот остановился у подножия горбатого каменного моста. – Старинная легенда гласит, что художник безумно влюбился в свою случайную натурщицу – нищую сироту, которую он встретил дождливым вечером на набережной. Он исступлённо писал её три месяца, а как только поставил финальный мазок – она бесследно исчезла. Словно в воду лагуны канула. А спустя годы в одной из комнат этого дворца случился сильный локальный пожар. И испуганные слуги клялись, что в самом очищающем пламени они отчётливо видели призрачный силуэт той самой девушки в голубом. Она просто стояла посреди огня у окна и загадочно улыбалась.

– А что стало с самим влюблённым художником?

– Разумеется, он сошёл с ума, – кот тяжело вздохнул. – До конца своих дней он был не в силах писать кого-то другого. По памяти воспроизводил одну и ту же полупризрачную улыбку, один и тот же пронзительный взгляд. Говорят, он так и умер прямо за мольбертом. А тот самый первый, оригинальный портрет теперь висит в Ка' Реццонико. И некоторые особо впечатлительные смотрители музея утверждают, что в зависимости от освещения выражение лица и улыбка на холсте... неуловимо меняются.

– И ты сам в это веришь? – заворожённо спросил я.

– Кот иронично ухмыльнулся. – Когда я был совсем юным и тайно обитал в пустующих залах этого палаццо (только не спрашивай, как я туда пролезал), я лично видел, как в районе двух часов ночи рама этого портрета вдруг слабо засветилась странным голубоватым сиянием. И девица на холсте... совершенно отчётливо моргнула своими нарисованными ресницами.

– Ты сейчас шутишь, чтобы меня напугать?

– Коты никогда не шутят о потусторонних вещах, – важно и строго отрезал мой пушистый гид. – Во всяком случае, в этом городе. Но ты не дрейфь, днём её дух крепко спит, как и положено благопристойным венецианским призракам. Пошли в отель, пока нас не сцапал ночной патруль.

Мы безмолвно шли мимо закрытых на ночь лавок, чьи витрины были густо усыпаны карнавальными масками. Кот на секунду притормозил и внимательно вгляделся в пустые глазницы фарфоровых лиц.

– А ты вообще задумывался, почему в Венеции так фанатично любят маски? – тихо спросил он, не оборачиваясь.

– Ну, карнавал же, – логично предположил я.

– Не только, далеко не только, – кот покачал головой. – Для венецианца маска веками была единственным легальным способом стать кем-то другим. Или, наоборот, остаться самим собой, когда за любое неосторожное слово тебя могут запросто лишить головы. Во времена расцвета республики все и везде носили маски. Город был наводнён невидимыми шпионами грозного Совета десяти. А белая маска-баута полностью стирала сословные границы и анонимизировала голос. К тому же... маски очень помогают местным привидениям легально выходить на свет. В разгар карнавала мёртвые аристократы беспрепятственно смешиваются в толпе с живыми. И в этом безумном вихре никто уже не способен понять, кто есть кто.

– Ты хочешь сказать, что среди веселящейся карнавальной толпы... действительно в открытую бродят призраки? – у меня по спине пробежал холодок.

– А ты никогда не замечал, что некоторые маски в толпе смотрят на тебя как-то слишком пристально и неестественно? – кот внезапно обернулся и пронзительно сверкнул своими изумрудными глазами. – Ладно, не будем на ночь глядя о мрачном. Завтра утром ты увидишь тот самый портрет в голубом. А после, если у тебя не подкосятся ноги, я покажу тебе ещё одно легендарное место.

– Какое?

– Оперный театр Ла Фениче, – кот сладко зевнул. – Храм музыки, который трижды горел и трижды восставал из пепла. Там, в королевской ложе, тоже обитает свой весьма харизматичный призрак. Но это уже совсем другая, чисто театральная драма.

Мы наконец вернулись в отель. Кот, по-хозяйски проигнорировав кресло, привычно устроился на широком деревянном подоконнике, за которым глухо плескалась вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.